

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

НАЖИВКА
ДЛЯ РЕЗИДЕНТА

Москва 2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-43

Зверев, Сергей Иванович.

3-43 **Наживка для резидента / Сергей Зверев. — Москва : Эксмо, 2017. — 352 с. — (Битва за Пальмиру. Российский спецназ в Сирии).**

ISBN 978-5-699-96097-2

После гибели одного из главарей экстремистов остался архив, разоблачающий действия спецслужб США на территории Сирии. На поиск убийственного компромата американцы бросили свои лучшие оперативные силы. Но и ГРУ не дремлет. По следам секретных документов отправлена группа спецназа подполковника Силина, позывной «Барс». Противники изобретательны и беспощадны в своих действиях. Еще немного, и столкновение перерастет в открытый военный конфликт... И лишь немногие знают, что архив — это всего лишь наживка, первая часть сложной операции, задуманной российскими спецслужбами.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Рясной И., 2017
© Оформление.

ISBN 978-5-699-96097-2

ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Часть первая

УДАР С МОРЯ

Глава 1

Он остался жив. Я убрал палец со спускового крючка. Судьба распорядилась, чтобы чабан, чьи бараны паслись на склоне горы, еще потоптал подошвами эту землю. Но многим сегодня здесь так не повезет. Смерть уже занесла свой серп.

Мы надежно окопались, кротами ввинтились в почву. Нас никто не должен видеть — ни местный земледелец, ни случайно забредший на склон горы чабан. Наказание за случайный неосторожный взгляд одно — смерть. Таковы правила нашей работы, и слезинка ребенка тут не катит, у нас другие законы. Наше верховное божество — выполнение боевой задачи. А божок поменьше — случай — решит, кому сегодня жить, а кому умереть. И определит, удастся ли мне вывести из огня мою группу, когда сюда придет ад.

— Оп-па, — негромко воскликнул лежащий рядом со мной рядом Рад. — Первые ласточки.

К месту операции мы вышли заблаговременно и замаскировались на местности. Мой командный пункт размещался на поросшем жестким кустар-

ником склоне. Вокруг зеленели холмы и выростали разрушенные зубы скал. На север тянулись необрунные кукурузные поля — их хозяева отсюда выбиты войной. Но жизнь в окрестностях еще какая-то теплилась. И я, увидев, как к разграбленной пустующей ферме приближается кавалькада пикапов, произнес с угрозой:

— Ну что, добро пожаловать, покойнички.

В колонне прибыло почти три десятка басмачей. И нам оставалось только молиться, чтобы они не наткнулись на нас.

Бандиты тщательно проверили ферму, пару глинобитных зданий на предмет мин и закладок. Ничего не нашли, конечно. Мы сегодня тихие рыбешки, которые должны только вовремя шевельнуть плавником и привлечь внимание большой акулы.

Душманы осмотрели близлежащие холмы. Но до нас не дошли, маскировку нашу не вскрыли. И успокоились.

В следующие полтора часа я мог наблюдать, как на ферму съехались еще несколько моторизованных групп моджахедов. Но они не наша цель. Наша цель куда более весома. И ее пока здесь нет.

Мы прождали еще час. И вот с ветерком, поднимая пыль, подкатил массивный бронированный внедорожник «Кадиллак Эскалэйд». Когда-то эта машина принадлежала министру обороны Сирии и была захвачена Халифатом в качестве трофея.

Один из моджахедов, подобострастно кланяясь, подскочил к внедорожнику, распахнул дверцу. И на землю ступил сам Шалгам Ахмед, огромный, чернобородый, с шашкой на боку, в разноцветных восточных одеяниях — колоритная фигура, истинный воин Аллаха. Бывший имам, не слишком авторитетный в богословских кругах, он нашел себя в джихаде, а за свои габариты и прежний род деятельности получил кличку Большой Имам.

— Есть, — аж завибрировал от ощущения торжества Рад. — Прибыл, господин хороший. Тебя-то мы и ждем с нетерпением.

Большой Имам был нашим объектом. Ради него мы врылись в эту землю. Ради него отмерили шагами десятки горных километров. Задание наше было простое — ликвидация.

Большой Имам похлопал по капоту своей машины. Он испытывал к ней слабость, как к норовистому чистокровному коню. Этот «Кадиллак» не раз становился мишенью, потому что все знали, чей он, но полевой командир не оставил своего любимого «рысака». Хотя в последнее время использовал это транспортное средство больше в качестве парадного лимузина для важных встреч типа той, которая проходила сейчас.

Мы ждали Большого Имама долго. Вообще, время относительно. Для городской суеты с работой, кафешками, посиделками на кухне двое суток, конечно, не срок — жизнь скользит легко, по

гладко накатанной колее. Но когда ты сливаешься с ландшафтом и боишься лишней раз вздохнуть, чтобы не выдать себя, время тянется болезненно медленно. Особенно тяготит, когда дичь запаздывает и не желает лезть в силки. Хотя тут ничего не поделаешь. Охота — удел терпеливых. И мы дождались!

Басмачи суетились. Пошли обнимашки, похлопывания по плечам, улыбочки — встреча старых друзей-кровососов.

Как поет Высоцкий:

Чтоб творить им совместное зло потом,
Поделиться приехали опытом.
Страшно, аж жуть.

У басмачей давно наметился раскол, который в последнее время усугубляется, что, конечно, отрицательно, но пока на общей боеспособности Халифата не сказывается. Радикальная часть ревнителей истинной веры начала выставлять претензии группировке, неформальным лидером которой являлся Большой Имам, за непотребные связи с неверными и потакание врагам ислама. И обстановка накалялась. Этот вопрос и будет сегодня обсуждаться.

Когда протокол был соблюден, доблестные воины ислама отправились в дом. Ловушка захлопнулась.

— Работай, — бросил я Раду.

Его пальцы отбили дробь на клавиатуре тактического устройства, вводя код. Сигнал ушел в Центр. И громоздкая русская военная машина пришла в движение.

— Есть отчет, — четко отрапортовал Рад.

Это означало, что с малого ракетного корабля «Зеленый Дол», бороздящего Средиземное море в составе российской военной эскадры, ушла в небо крылатая ракета комплекса «Калибр-НК».

Я представил, как басмачи в доме цветисто и неторопливо распинаются в уважении друг к другу — это такой восточный ритуал, предшествующий серьезной беседе. И неведомо им, что через считанные минуты местный пейзаж претерпит серьезные изменения.

Ну вот и начинается заключительный акт нашей небольшой пьесы, которую я, да простит меня уважаемый классик Антон Павлович Чехов, назвал бы «Драма на охоте». Театральная сцена — Сирийская Арабская Республика. Время действия — затяжной период гражданской войны и агрессии Халифата. Действующие лица: я, подполковник Силин, позывной Барс, волею судеб командир группы спецназа ГРУ МО России «Бриз». И мои ребята, которые недаром считаются лучшими из лучших. Это русский медведь Князь — мой заместитель, он же медик, пулеметчик. Рад — худощавый, ботанского вида связист, самый молодой член нашего небольшого коллек-

тива, технический кудесник и вообще дитя-индигода на все руки мастер. Утес — чеченец, снайпер, ему уже за сорок лет, то есть в нашем деле, считай, уже аксакал. Бек, его земляк, ровесник, бывший террорист и подрывник от бога. Это что касается положительных героев. Отрицательный персонаж у нас один — Большой Имам, из числа самых кровавых полевых командиров Халифата, отметившийся расстрелом нашего летчика месяц назад, за что ему наш отдельный привет. Ну еще здесь масса народа — это статисты, которым на сцене в лучшем случае доверяют сказать «кушать подано» и «Аллах акбар». Конечно, если их станет сильно меньше, это будет приятный бонус к основному призу — голове Шалгам Ахмеда...

Смертоносное тело ракеты взрезало воздух, как белая акула рассекает океанские воды — так же мощно, стремительно. И как акула, ощутив запах крови, устремляется к добыче, обретя четкое направление своего движения, так и ракета, уловив импульс, обрисовавший контуры маршрута, нашла смысл своей недолгой активной жизни и устремилась на цель. Потом, получив лазерную подсветку с земли, она ринется к тем, для кого она предназначалась, с кем должна была слиться в огненном объятии. И не было в мире силы, способной остановить ее.

— Давай, родимая, мы тебя ждем, — ласково ворковал Рад, взясь с устройством наведения.

Рад, пожалуй, лучший из известных мне специалистов по целеуказаниям для высокоточного оружия. А я — лучший спец по тому, чтобы вывести разведывательно-диверсионную группу на цель. И все наши таланты вместе направлены на то, чтобы не оставить объекту ни единого шанса.

— Сигнал прошел, — щелкнул пальцами Рад, возившийся со своей хитрой аппаратурой. — Цель захвачена... Тик-так. Стучат часы.

— Сколько осталось? — спросил я.

— Недолго... Ну торопись, железяка, тут тебя ждет добрый обед!..

Семиметровая ракета появилась с запада. Она летела низко, огибая местность, почти невидимая.

Рад навел на мишень лазерный целеуказатель нового поколения, похожий на гиперболоид инженера Гарина — легче в два раза, чем старые модели, но все равно весящий около десяти килограммов. Объект подсвечен...

Ба-ба-х-х — горы содрогнулись.

В десяточку!

Там, где только что была ферма, вспух пыльный серый цветок, который разрастался и чем-то напоминал ядерный взрыв. Четыре сотни килограммов взрывчатки — это эффектно. И эффективно. Тем более что удара никто не ожидал, бомбоубежищ здесь не предусмотрено. Глиняный дом сдуло, как соломенную избушку поросенка Ниф-Нифа.

В ракетном ударе есть что-то сверхъестест-

венное, прямо библейское. Будто сам Господь обрушивает кару на Содом и Гоморру. И в такие моменты я ощущал себя уже не охотником, а ангелом, подводящим черту.

— Сделано! — кивнул я.

Конечно, бандит — тварь очень живучая. Но проверять эффективность удара мы не можем. Я уверен, что в доме никто не выжил, и Большого Имама сейчас тащат черти в ад. Счеты с ним закрыты.

В живых осталась часть банды, рассредоточившаяся по местности. Эти ребята могут, если в курсе технологии нанесения таких ракетных ударов, устроить прочесывание и преследование спецгруппы. Поэтому делать нам тут больше нечего. Пора прощаться.

— Уходим, — произнес я и нажал на танкету рации, давая сигнал отхода...

Еще не успела осесть пыль от взрыва, а наша веселая компания уже бодро топала к точке эвакуации.

— Давай, спецназ, шевели копытами, — крикнул я.

Родные горы. Сирия. Пыль. Смерть. Казавшаяся близкой, но все отдаляющаяся победа с самыми отборными мировыми отбросами.

Через час мы наткнулись на группу из десятка до неприличия увешанных оружием бородатых моджахедов в национальных одеждах. Они на

ослах неторопливо ехали по каким-то своим делам прямоком через горы.

По-джентльменски разойтись с ними не удалось. Кто они — мы так и не узнали. Но не свои — это факт. Нет своих на этой территории.

Мы их заметили раньше. Залог успеха — делать все раньше и лучше противника, пусть хоть на немного, на ниточку, но лучше.

Поэтому мое сознание еще охватывало факт неприятной встречи, а руки уже делали свое дело. Короткой автоматной очередью я срубил ближайшего моджахеда. Ребята начали работать по остальным. Двое противников попытались уйти в горы. Бек и Утес двинулись за ними, и вскоре все было кончено. Безжизненные тела моджахедов, над которыми отчаянно вопил перепуганный, чудом выживший ишак, остались позади, на радость шакалам. А мы продолжили путь.

К точке эвакуации мы вышли минута в минуту. Точность — вежливость не только королей, но и спецназа. А иногда и вертолетчиков — вертушки тоже появились вовремя.

Вертолеты увеличились в размерах, оскверняя вечную тишину этих гор непотребным ревом двигателей.

«Ми-8» сел на ровную каменистую площадку, а два «крокодила» реяли в воздухе, готовые порвать на части всякого, кто приблизится ближе чем на пять километров — грозные, хищные ударные вер-

толеты, настоящие защитники гонимых, то есть нас.

И вот мы уже внутри «восьмерочки» — для кого-то, может, и гулкой, тряской, некомфортной, но для меня такой привычной и родной, как верная крестьянская лошадка.

Внизу потянулись невысокие горы, перемежаемые равнинами. Для художника это красивый пейзаж. Для меня — театр военных действий.

— Ну что, охотники, с удачной вылазкой, — произнес я, разглядывая прислонившихся к трясущейся стенке моих ребят.

Уже несколько месяцев мы охотимся на полевых командиров Халифата и прочих террористических шарашек. С учетом нашего опыта мы получаем задания на самую жирную и труднодоступную дичь. И пока по результатам — мы лучшие из всех аналогичных разведывательно-диверсионных групп, которые наводят шорох в этих краях.

— Не сглазь, — сказал Князь. — Еще не приземлились.

Не сглазил. Долетели мы до аэродрома Хмеймим, где дислоцировалась группировка российских ВКС, без приключений. И вот мы уже тяжело шагаем по бетону полосы. Мы пропитались злобой и ненавистью, гарью войны, на наши ботинки чугуном налипла пыль местных дорог. Мы вернулись с очередного боевого задания. Со щитом, а не на щите.

Чтобы мы не светились на базе в полной кра-се — со спецназовскими стволами, в маскиро-вочном изношенном камуфляже, нам подогнали наглухо закрытую «Газель». Я приказал ребятам сдавать оружие, снаряжение и двигать в распо-ложение, а сам отправился в штаб. Коротко отчи-тался перед куратором полковником Родченко. Удостоился крепкого рукопожатия и заверений о представлении всей группы к госнаградам. И уз-нал о ближайших планах руководства...

— Послезавтра в Чкаловский, — объявил я, заходя в жилой модуль, приютившийся в самой дальней точке авиабазы.

Нам уже давно пора домой. В скуку замершей между временами перемен и ждущей чего-то Мос-квы. Я знаю, что там нам вскоре захочется снова на охоту, но, возможно, что нам долго не предоста-вят такой возможности. Руководство уже намека-ло, что мы слишком вжились в эту войну и пора нам отдохнуть от бесконечных поисков, диверсий. Перерыв обещали длительный. Значит, будет уче-ба, нескончаемые тренировки, оттачивание на-выков и наработка физической формы, которая, в отличие от звериного чутья, вовсе не росла от бесконечных боевых выходов, марш-бросков и полуголодного существования во время вылазок на территорию противника.

Мои слова вызвали заметное оживление.

— Мы вообще как космонавты, возвращаю-